

С.В. Болотин

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена малоисследованной в науке уголовно-процессуального права области – существованию комплексных правоотношений при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Автор рассматривает различные варианты одновременной и (или) последовательной правовой регламентации отношений в сфере уголовного судопроизводства со стороны нескольких отраслей права. В работе отстаивается позиция о существовании таких комплексных правоотношений в ходе уголовно-процессуальной деятельности разных субъектов. Рассматриваются варианты и условия взаимовлияния норм различных отраслей права как при одновременном (параллельном) их воздействии на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, так и при последовательном.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, дознаватель, правоотношения, норма права.

S.V. Bolotin

REVISITED COMPLEX RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW IN LEGAL RELATIONSHIPS

The article is devoted to the existence of complex legal relations in the investigation and examination of criminal cases, which is an underexplored field in science of criminal procedure law. The author considers various variants of simultaneous and/or consistent legal regulation of relations in the sphere of criminal justice by several branches of law. The position of the existence of such complex legal relations in the criminal procedure of various subjects is upheld in the paper. The variants and conditions for the mutual influence of the norms of various branches of law are considered, both with their simultaneous (parallel) and also consistent impact on public relations in the sphere of criminal proceedings.

Keywords: Criminal procedure law; investigator; junior detective; legal relationships; statute of law.

В 2015 г. 13 июля в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” и Федеральный закон “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” (далее – УПК РФ)» [8], которым, в частности ст. 2, в Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие УПК РФ» была включена ст. 12.1.

Представляется, что вновь наш законодатель «отличился» не в лучшую сторону. Во-первых, не понятно, зачем была введена эта статья. Фактически она полностью дублирует ст. 4 Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие УПК РФ».

Во-вторых, не ясно, почему «послабление» сделано для уголовных законов Российской Федерации.

В-третьих, такое нововведение в виде ст. 12.1 неприемлемо и противоречит фундаментальным общетеоретическим вопросам. Дело в том, что развитие практически любой отрасли российского права сегодня невозможно без учета достижений других отраслей. Заимствование (инкорпорация) понятийного аппарата из одной отрасли в другую стало нормальным, общепризнанным фактом. Уголовно-процессуальное законодательство России здесь не исключение. Так, мы используем понятия «состав преступления», «тяжкое преступление» и другие из уголовного права; понятия «супруг», «родственники», «близкие», «моральный вред», «имуущество» и т.д. – из семейного и гражданского права¹; в ст. 44 УПК РФ законодатель отсылает нас к положениям гражданско-процессуального права; «добавим» сюда положения глав 51, 52 УПК РФ, раздела международного сотрудничества и т.д. Соответственно, все эти отрасли права могут вносить «свои» изменения, которые, несомненно, могут затронуть и уголовное судопроизводство.

В-четвертых, включая ст. 12.1, законодатель, видимо, «забыл» о ст. 76 Конституции России, согласно которой в случае коллизии между федеральным законом и федеральным конституционным законом приоритет, безусловно, принадлежит последнему. Общеизвестно, что УПК РФ мы приравниваем к федеральному закону (хотя по сути кодекс – не закон, а сборник таких законов). Федеральных же конституционных законов России, регулирующих исключительно вопросы уголовного процесса, не было и нет. Чаще всего они носят комплексный характер и регулируют одновременно правоотношения широкого спектра, которые выступают объектами регламентации различных отраслей права (например, Федеральный конституционный закон «О Верховном суде Российской Федерации» [9]). И как же быть, если в каком-либо федеральном конституционном законе будут содержаться положения, непосредственно касающиеся уголовного судопроизводства? Согласно нововведению эти положения не подлежат применению, но в соответствии со ст. 76 Конституции РФ они имеют прямое действие и преодолевают предписания УПК РФ!

К сожалению, проблематика комплексных правоотношений в уголовном судопроизводстве России так и осталась недостаточно исследованной. Не секрет, что в уголовно-процессуальной деятельности помимо собственных норм нередко реализуются нормы иных отраслей права [1, с. 98].

Актуальность изучения комплексных правоотношений обусловлена развитием двух противоречивых тенденций законодательного регулирования общественных отношений. Одна из них заключается в детальной регламентации определенного общественного процесса от начала и до его конца с соответствующим правовым обеспечением вовлечения все новых

---

¹ Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указано, что при решении вопроса об определении размера морального вреда необходимо прежде всего руководствоваться положениями ст. ст. 151 и 1101 ГК РФ.

субъектов данной отрасли права. Так происходит развитие уголовного процесса.

Вторая тенденция законодательства направлена на максимально возможную регламентацию всех сфер деятельности одного какого-либо субъекта в системе различных отраслей права. Это тенденция создания комплексных правовых актов. Наглядный пример – издание закона, регламентирующего деятельность полиции или какого-либо иного административного органа.

Необходимость исследования комплексных правоотношений заключается в определении возможностей согласования в законодательном процессе обеих этих тенденций развития правовой регламентации общественных отношений.

Анализ комплексных правоотношений в уголовном судопроизводстве позволяет выделить два основополагающих явления. Суть первого из них заключается в том, что одна из составляющих таких правоотношений регулируется параллельно (т.е. одновременно) нормами двух и более отраслей права (включая и уголовно-процессуальное).

Вторая составляющая указывает на тенденцию регулирования уголовно-процессуальным правом и какой-либо иной отраслью (отраслями) права соответствующих общественных отношений. При этом методологически следует различать два аспекта во втором варианте. Вторая составляющая комплексных правоотношений, в свою очередь, структурирована и также распадается на две противоположные совокупности правоотношений. Из них первая совокупность характеризуется тем, что результат воздействия норм иной отрасли права предшествует собственно уголовно-процессуальным правовым отношениям. Соответственно, оставшаяся совокупность в рамках последовательного регулирования, напротив, предполагает первенство уголовно-процессуальных правоотношений.

К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют более детально исследовать все аспекты таких комплексных правоотношений.

Первая разновидность комплексных правоотношений присуща, например, органам дознания уже на начальном этапе их уголовно-процессуальной деятельности. Так, в деятельности административных органов (которые законодатель определяет как органы дознания) нередко признаки преступления обнаруживаются вне сферы уголовного процесса, как, например, в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, административной деятельности и др. Специфика их заключается в том, что при этих обстоятельствах, как правило, решение о наличии (отсутствии) повода к возбуждению уголовного дела принимает начальник учреждения в результате выполнения своих полномочий по контролю за деятельностью сотрудников подчиненного ему учреждения в сфере своей профессиональной деятельности, причем далекой от уголовно-процессуальной.

Сегодня в органах внутренних дел существует порядок, согласно которому сотрудник, обнаруживший признаки преступления в процессе

служебных действий, подает об этом рапорт начальнику органа. Если начальник сочтет, что факты, о которых сообщает сотрудник, не содержат признаков преступления, то рапорт с соответствующими приложениями к нему не будет являться юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные правоотношения [2, с. 29]. Этот порядок прохождения информации регулируется ведомственными актами и нормами других отраслей права. При вовлечении же этого органа в уголовный процесс, когда орган внутренних дел переходит в разряд органов дознания, начальник органа автоматически становится начальником органа дознания (хотя бы в чисто логическом и терминологическом смысле). С регистрацией этой информации в качестве повода к возбуждению уголовного дела дальнейшие распоряжения начальника по проверке информации (если таковая требуется) должны быть урегулированы нормами уголовно-процессуального права.

Административно-правовая деятельность нередко предшествует уголовно-процессуальной и даже обуславливает возникновение последней. Это происходит в случаях обнаружения данных о совершении или подготовке преступления в ходе служебного расследования, в процессе плановых и других ведомственных ревизий, проверок и т.д. Сообщения административных органов в этих случаях служат поводом, а сведения, содержащиеся в них и указывающие на признаки преступного деяния, – основанием для возбуждения уголовного дела. Содержащий такую информацию административный акт нередко имеет значение уголовно-процессуального источника доказательств (в рамках сегодняшнего УПК РФ – вида доказательств) [1, с. 102].

Возникают и ситуации, когда уголовно-процессуальная деятельность невозможна без административно-правовой [1, с. 102]. Это имеет место по всем делам с административной преюдицией, к которой наш законодатель вновь вернулся. Причем нередко в рамках административных правоотношений осуществляются действия соответствующих субъектов административного права не только по обнаружению признаков преступления, но и по обеспечению сохранности следов преступного деяния. Речь идет об изъятии в рамках административного процесса определенных веществ, предметов, могущих обрести в уголовном судопроизводстве статус вещественных доказательств.

Другим примером данной разновидности комплексных правоотношений в уголовном процессе в деятельности органов дознания является осуществление приема, оформления и регистрации поступающих заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации.

К сожалению, сам порядок регистрации заявлений, сообщений о преступлениях урегулирован не столько уголовно-процессуальным правом, сколько нормами административного, государственного, прокурорско-надзорного и иных отраслей. Бывает, что регистрация этой информации не обязательно влечет осуществление уголовно-процессуальных действий. Так, при поступлении телефонных сообщений граждан в органы внутренних дел проверку в рамках административных отношений проводят сотрудники полиции (в частности, из состава патрульно-постовой службы), хотя и

обладающие властными административными полномочиями, но не имеющие аналогичных в уголовном процессе. Лишь при подтверждении криминальной информации уголовно-процессуальные правоотношения возникают, но все же не ранее вступления в процесс правосубъектных (в уголовно-процессуальном смысле) участников.

Для комплексных правоотношений характерна такая их особенность, как интеграция норм различных отраслей права для достижения максимально возможного уголовно-процессуального результата. В подтверждение этого тезиса можно привести пример расследования дел с административной преюдицией (ст. ст. 157, 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, 314.1 УК РФ). Первоначально в ходе административной деятельности по материалам складываются административные правовые отношения. Однако в дальнейшем, когда совокупность административно-правовых нарушений на определенном этапе перерастает по своей общественной опасности в уголовно-правовое отношение, возникает необходимость в реализации адекватных последнему уголовно-процессуальных отношений. Таким образом, решение задач уголовного процесса в ряде случаев достигается в рамках не только уголовно-процессуальных, но и иных (административных) правоотношений.

Прямое использование результатов, добытых вне сферы уголовного процесса, часто бывает невозможным ввиду существенного различия требований, предъявляемых к получению и оформлению соответствующих результатов различными отраслями права. Для разрешения проблемы перевода (придания им уголовно-процессуального статуса) полученных данных в ходе иных видов государственной деятельности в уголовный процесс видится два возможных направления.

Во-первых, в самом уголовно-процессуальном праве необходимо закрепить критерии учета такой информации и способы ее процессуального оформления. Как это, например, зафиксировано в отношении таких видов доказательств, как «иные документы».

Во-вторых, в смежных институтах процессуальных отраслей права необходимо стремиться к унификации правового регулирования соответствующих видов деятельности. В частности, это касается института изъятия определенных предметов, ценностей, веществ в административном, гражданском и уголовном процессах. С этой точки зрения позитивным является факт существования доказательственного права в западных странах как самостоятельной отрасли права [3, с. 224–228].

Еще одна группа комплексных правоотношений с параллельным существованием уголовно-процессуальных и иных правоотношений проявляется при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и при задержании лица в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ. Возникающие при этом правоотношения наряду с уголовно-процессуальными включают в себя уголовные, административные, трудовые и некоторые другие виды [4, с. 116–124]. При аресте следователь, дознаватель обязаны принять меры попечения о детях и охраны имущества (ст. 160 УПК РФ). При задержании (ст. 91 УПК

РФ) осуществляющее задержание лицо обязано принять необходимые меры к сохранению, по возможности, брачно-семейных отношений и известить семью подозреваемого.

Задержание лица в процессуальном смысле или его арест становятся юридическим фактом и для административных отношений. Так, п. 19 ст. 13 Федерального закона «О полиции» [10] обязывает сотрудников полиции при задержании лица по подозрению в совершении преступления, при его аресте и т.п. осуществлять фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование.

Арест и кратковременное задержание лица существенно затрагивают и политические права граждан: лица на весь период их лишения свободы ограничены в избирательных и других политических правах [5, с. 61–68].

Особое место в этой совокупности комплексных правоотношений занимают правоотношения, возникающие в связи с привлечением к уголовной ответственности представителей власти – депутатов Государственной Думы, Совета Федерации и иных лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. В этих случаях параллельно с уголовно-процессуальными развиваются государственно-правовые отношения. Процедура привлечения к уголовной ответственности или ареста депутата (иного лица) регламентируется нормами государственного, уголовного и уголовно-процессуального права [6, с. 29].

Комплексные правоотношения между органом дознания и иными участниками уголовного процесса присутствуют и при начислении и выплате сумм свидетелям, потерпевшим, экспертам, специалистам, переводчикам в связи с понесенными расходами (ст. 131 УПК РФ).

Разнообразный комплекс правоотношений (трудовые, административные, гражданско-правовые, финансовые и др., а также общественные отношения, не урегулированные нормами права [7, с. 319–329]) возникает в связи с вынесением постановления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и при прекращении уголовного дела в порядке ст. ст. 24–28, 212–214 УПК РФ.

Возникновение комплексных правоотношений всегда вызывается сложным фактическим составом [7, с. 321], в котором для каждого из составляющих их видов правоотношений характерен самостоятельный юридический факт. Так, по делам с административной преюдицией необходимо наличие нескольких административных правонарушений и постановление о возбуждении уголовного дела. Распоряжение субъекта управления о производстве служебной проверки и регистрация материалов этой проверки в органе дознания уже в качестве повода к возбуждению уголовного дела – условия комплексных правоотношений, возникающих при регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и т.д.

Учет и расширение правовой регламентации всех видов социальной деятельности диктует объективную необходимость взаимоинтеграции норм уголовно-процессуального и иных отраслей права. А на определенных

этапах развития такая интеграция неминуемо ведет к унификации в различных процессуальных отраслях схожих правовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Корнуков В.М. Взаимосвязь государственно-правовых, административных и уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальное положение личности // Реализация норм государственного и административного права на предварительном следствии. Волгоград, 1987.
2. Дознание в органах внутренних дел / под ред. А.А. Чувилева. М., 1986.
3. Ковалев В.А. Полнее использовать достижения мировой правовой культуры в уголовном процессе // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1987.
4. Даньшина Л.И. Правоотношения, возникающие при исполнении предварительного заключения // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. Труды Академии МВД СССР. М., 1984.
5. Маковик Р.С. Особенности реализации конституционных политических прав граждан в процессе предварительного расследования // Реализация норм государственного и административного права на предварительном следствии. Волгоград, 1987.
6. Светлакова З.И. Обеспечение неприкосновенности народных депутатов на предварительном следствии // Реализация норм государственного и административного права на предварительном следствии. Волгоград, 1987.
7. Зеленецкий В.С. Специфика правоотношений, возникающих в связи с исполнением представления следователя // Вопросы государства и права. Вып. 2. М., 1974.
8. Рос. газ. 2015. 17 июля.
9. О Верховном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февр. 2014 г. № 3-ФЗК. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
10. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.